

с изучением этих булл: кому же все-таки они принадлежали? Если эти печати княжеские, то почему тогда равным князьям во многих случаях принадлежат абсолютно идентичные знаки? Если же они не княжеские, почему на них помещено изображение знака Рюриковичей? Что самые знаки были княжескими там-гами, как нам представляется после работ Н. П. Лихачева, А. В. Орешникова и Б. А. Рыбакова, не подлежит сомнению.

Проверим сначала первое предположение. Допуская, что святые, изображенные на рассматриваемых печатях, являются патронами князей — владельцев печатей, мы могли бы указать только один выход из тех противоречий, которые демонстрирует применение одного и того же знака на печатях разных лиц: князья — владельцы этих булл помещали на них не свой личный знак, а знак того князя, чей суверенитет над собой они признавали. Например, княжившие в Новгороде представители суздальской линии Рюриковичей могли ставить на свои буллы знак правившего в Суздале великого князя, Ростиславичи — знак современного им смоленского князя и т. д. Это предположение, однако, не находит опоры в наличном материале печатей.

В самом деле, повторность находок в Новгороде многих булл рассматриваемого разряда прямо указывает на то, что владельцы этих булл были связаны с новгородской администрацией. Пять раз в Новгороде была найдена печать № 291 с изображением непоименованного святого воина. В десяти экземплярах исключительно из новгородских находок известна печать № 292 с изображением архангела Гавриила. Пять раз в Новгороде обнаружена печать № 295 с изображением св. епископа Анании. Четыре раза там же находили печать № 297 с изображением св. Николая. На двух экземплярах печати № 298 из находок в Новгороде изображен св. Мина. Три печати № 306 того же происхождения несут на себе изображение архангела. В четырех экземплярах новгородского происхождения известна печать № 305 с изображением непоименованного бородатого святого.

Между тем ряд имен владельцев этих печатей не находит соответствия в списках крестильных имен новгородских князей. Эти списки не знают Анании и Мины. Что касается Николая, то князь с таким именем в Новгороде был, так звали Святослава Ольговича, княжившего в 1136—1138 гг., а затем в 1139—1141 гг. Однако связывать с ним печать № 297 невозможно. Святослав Ольгович происходил из черниговской линии Рюриковичей, он был по-

томком Святослава Ярославича, а совершенно идентичная знаку на печати № 297 тамга обнаружена во Владимире, на Золотых воротах. Там же зафиксирована ближайшая ей аналогия на кивории в Боголюбове. Этот знак, следовательно, связывается с линией суздальских князей — Юрьевичей, а не с Черниговом.

Невозможно, так сказать, вывернуть это предположение наизнанку и допустить, что знаки на печатях принадлежали новгородским князьям, а изображения на их оборотных сторонах олицетворяли патронат современных великих князей. Чтобы показать абсурдность такого допущения, воспользуемся печатями № 297 и 298 с изображением Николая и Мины. Как уже отмечено, знак на этих буллах (один и тот же в обоих случаях) находит аналогии в суздальской геральдике. Следовательно, настаивая на высказанном предположении, мы должны допустить, что в Новгороде существовал какой-то князь, который был сначала современником суздальского князя с христианским именем Николай, а затем — суздальского князя с христианским именем Мина (порядок здесь не играет роли: сначала мог быть Мина, а потом Николай). Однако христианские имена всех суздальских князей XII—XIII вв. хорошо известны и среди них нет ни Николая, ни Мины. До 1157 г. в Суздальской земле княжил Юрий Долгорукий, он был Георгием. С 1157 по 1174 г. правил его преемник Андрей Боголюбский, он имел только христианское имя. Его сменил Михалко Юрьевич, умерший в 1176 г., его звали Михаилом. Следующим князем был Всеволод III Большое Гнездо, занимавший стол до 1212 г., он назывался Дмитрием. Последовавшая за его смертью борьба Всеволодовичей Константина и Юрия (Георгия) окончилась в пользу первого, скончавшегося в 1218 г.; после него до гибели в 1238 г. в Суздальской земле правит Юрий-Георгий Всеволодович.

Отвергнув таким образом традиционное предположение о принадлежности печатей с княжескими знаками князьям, мы обязаны теперь рассмотреть другое предположение: не принадлежали ли они каким-то другим определенным по своей должности сановникам государственной администрации? В первую очередь возникает мысль об их принадлежности новгородским посадникам. Если известный по позднейшим свидетельствам порядок смесного суда посадника и князя в Новгороде сложился впервые в результате государственных перемен, вызванных восстанием 1136 г., то нет ничего невероятного, что печати такого суда оформлялись по принципу совмещения на них посад-